

ОДАРЕННЫЙ ПРИЗНАНИЕМ

Творчество талантливого мастера дает нам ни с чем не сравнимое чувство радости. Впервые услышав Шалапина, музыкальный критик В. Стасов написал статью, которая называлась «Радость безмерная!». Он восхищался здесь огромными возможностями человека, радовался тому, что, прикоснувшись к удивительному проявлению таланта, сам становишься лучше, добрее.

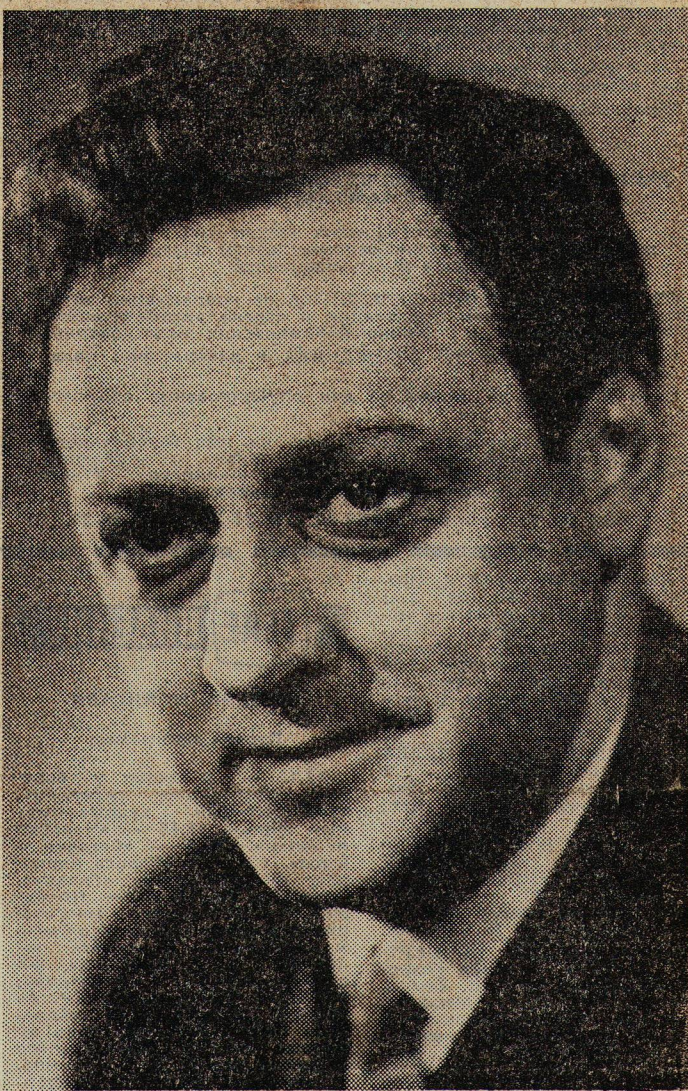
И напрасно отдельные социологи сводят зрительское восприятие к необходимости эмоциональной разрядки. Воздействие искусства глубже. Оттого, наверное, мы так и ценим радостное предвкушение встречи с известным и любимым актером, что общение с ним выпрямляет какие-то вмятины и зазубрины, ранее нанесенные душе. Мы благодарны артисту за то, что он поддержал в нас лучшее и помог отделить его от худшего. И мы, зрители, одаряем такого актера признанием. Привычная его форма — аплодисменты, хотя большой мастер всегда различает в них и оттенки вежливой благодарности, и подлинную увлеченность.

Поздравляя народного артиста СССР Владислава Игнатьевича Стрельчика с исполняющимся завтра 60-летием со дня рождения, казалось бы, надо говорить о его успехах и достижениях, подводить итоги, анализировать творческий путь, создавать, так сказать, формулу признания. Но окончательные итоги подводить не хочется, потому что Стрельчик — актер динамический, маневренный. Он все время меняется, ищет новое. И, остро ощущая время, устанавливает связь с каждым новым поколением зрителей.

Послевоенные зрители — сверстники актера хранят в своей памяти глубокую признательность за красоту, изящество и страстность чувств романтических героев В. Стрельчика, вчерашнего солдата. Артист в своих работах доказывал, что даже великие тяготы войны не могут уничтожить в человеке веру в красоту и искренность чувств, способность любить и быть любимым вопреки всем препятствиям.

В годы шестидесятые, в годы обновления труппы и постановочного стиля Большого драматического театра, на сцену вышли другие герои. Вместе с Л. Макаровой и Е. Копаляном В. Стрельчик входил в группу ведущих актеров театра. Казалось, его творческий облик уже сложился. Но встреча с новыми режиссерскими решениями Г. Товстоногова поставила актера перед неожиданными задачами и трудностями. Здесь и проявилась удивительная творческая пластичность актера. Стрельчик органично, легко вошел в мир обновленного коллектива. Он стал строже, аналитичнее, требовательнее к человеку. Он обрел свою позицию в искусстве. Теперь его увлекал анализ внутренней жизни персонажа, соотношение между тем, чем хочет человек казаться и чем он является на самом деле. И со скрупулезной подробностью актер проследил и обнажил суть барственного Цыганова в горьковских «Варва-

Поздравляем с юбилеем!

рах». Он показал, что барственность — маска, за которой скрывается обычный, слабый человек. Актер, который смотрит на этот персонаж со стороны, на этом обыкновенно и ставит точку. Мнимость интеллигентности инженера Цыганова обнаружена. Ясно, что он и сам «варвар», этим осужден, и дело с концом. Но В. Стрельчик смотрел на Цыганова изнутри, переживая с ним вместе неожиданность, а затем и ужас исчезновения защитной брони. Его Цыганов испытывал трагедию саморазблечения, был умен и понимал, что без иллюзии о самом себе его жизнь кончена. Артист ставил перед собой задачу — разгадать человека и дарил нам открытия.

Играя Кулыгина в чеховских «Трех сестрах», он доказывает, что банальное представление об этом персонаже, исчерпывающееся ироническим: «Машин муж», заслуживает совсем иного отношения. И обнаруживает за личиной гимназического учителя, смешного уже тем, что носит усы или сбивает их, подражая директору гимназии, способность самозабвенно любить жену, даже разделять ее страдания, когда уходит Вершинин.

В эти годы особенно ярко проявляется эстетическая позиция актера. Он начинает сложнее строить свои взаимоотношения с персонажем, уходит от однозначности оценок образа. Теперь зритель оценивает создаваемые им характеры как будто самостоятельно,

не замечая, как ведет его к этой оценке художник. И тогда каждое актерское создание начинается жить своей самостоятельной, индивидуальной жизнью, будто реальный человек.

Вы знакомы со старым оценщиком мебели Грегори Соломоном? Ему девяносто лет, конечно, если старик не призракает. «Живет» он уже второе десятилетие на сцене Большого драматического театра в спектакле «Цена». Познакомьтесь и увидите, что ничего общего с В. Стрельчиком он не имеет, а вселился именно в этого актера и живет его силами, умом и талантом. И хотя Стрельчик ловок, подвижен и пластичен, у Грегори деревянные, шарнирные колени и движения испорченного автомата. В нем воплотилось время, почти целый век, но в нем жива и почти вековая мудрость человека, знающего тщету житейской суеты и дорогую цену человеческих отношений.

А разве можно забыть Гарри Перси в шекспировском «Генрихе IV»? Он был немногим похож на В. Стрельчика, но гораздо выше ростом, шире в плечах — величественный богатырь, воин средневековой Англии, веривший, что явное превосходство над окружающими должно привести его к власти. Он погиб потому, что заблуждался и шел к цели прямой дорогой в мир, где все искривлено.

Год от года становится все больше и больше персонажей, оригинальных, особенных, жи-

вущих уже вне артиста, хотя в чем-то каждый и схож с ним. В. Стрельчик их создал, но они оторвались от него, переселились в зрительскую память. И мы признательны их создателю.

Зрелое мастерство отличает каждое новое создание художника. Многих признание связывает. Ведь зритель иной раз хочет повторения уже раз пережитой радости и требует еще раз показать ему прославленное и признанное. Здесь кроется ловушка для актерского самолюбия и предел развития таланта. Но В. Стрельчик упрямо не хочет попадать в эту ловушку. Он меняется. Ищет новые способы жизни на сцене, в кино, на телевидении. Прорывается в новые жанры. То предстанет уморительно смешным князем Пантиашвили в «Хануме» и будет изумлять зал легкостью, невесомостью и мыслями, и пластики гуляки, забывшего о возрасте. То обнаружит трагедию одинокой старости, забытости и драматической бесполезности благородной души полковника Шабера на телевизионном экране.

Он жаден к работе. Он не отказался от крохотного эпизода в картине М. Швейцера «Воскресение» и сыграл офицера, который уговорил Нехлюдова уехать. В сцене прощания с Катей, когда Нехлюдов неловко и оскорбительно сует ей деньги, из соседней комнаты доносится музыкальный свист В. Стрельчика. Его не видно на экране, но в той иронии, с которой он насвистывает мелодию «Мальчик нежный, кудрявый, влюбленный...», — исчерпывающий образ приезжего приятеля Нехлюдова и часть Нехлюдова в том числе.

Да, он жаден до новых ролей, потому что жадно любит жизнь и людей. Его энергии хватает и на большую работу по осуществлению связей театра с коллективами крупных промышленных предприятий города, и на заботы председателя совета Дворца работников искусств имени К. С. Станиславского, на постоянное участие в жюри смотров и фестивалей самодеятельного искусства. На второй срок избран Владислав Игнатьевич Стрельчик депутатом Ленинградского городского Совета народных депутатов.

И надо видеть, с каким темпераментом и вдохновением отдает он себя общественным делам, чтобы понять, откуда он черпает жизненный материал, внутреннюю убежденность и оптимизм для создания таких масштабных характеров современности, как архитектор Валицкий в фильме «Блокада» или академик Туполев в кинокартине «Поэма о крыльях», где находит источник доброго юмора и сердечности, которыми проникнута его последняя роль в фильме «Мой папа — идеалист».

Должно быть, сегодня можно признать, что В. Стрельчик выдержал испытание признанием и любовью зрителя, не утратил молодой зоркости и интереса к стремительному движению жизни, интереса к человеку — своему современнику. А если пытаться разгадать секрет его молодого горения, то стоит сказать о его любви к театру. В. Стрельчик может сниматься в кинокартине или телефильме, но он верный рыцарь королевства, именуемого Театр. Для него это слово всегда пишется с большой буквы. Потому зритель и признает его Актером.

В. ИВАНОВА